

Дмитрію Власьевичу Айналову отъ учениковъ къ двадцатипятилѣтію его ученой дѣятельности. Петроградъ. 1915. Отдѣльный оттискъ изъ X тома Записокъ Отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. XVI + 140 стр. съ приложеніемъ XXIX таблицъ, изъ которыхъ одна (VIII) въ краскахъ, и портрета юбиляра передъ текстомъ.

Содержаніе: Списокъ трудовъ Д. В. Айналова, составленный учениками; В. Мясоѣдовъ, Кратеры Софійскаго собора въ Новгородѣ; В. Мясоѣдовъ, Фрагменты фресковой росписи Святой Софіи Новгородской; Л. Мацулевичъ, Фрагменты стѣнописи въ соборѣ Свѣтогорскаго монастыря; Н. Сычевъ, Икона св. Троицы въ Троице-Сергіевой лаврѣ; К. Шероцкій, Софійскій соборъ въ Полоцкѣ; Н. Сычевъ, Икона Симона Ушакова въ Новгородскомъ Епархіальномъ Древлехранилищѣ; В. Мясоѣдовъ, Два погибшихъ памятника Новгородской старины; Н. Окуневъ, Крещальня Софійскаго собора въ Кіевѣ.

Появленіе этого сборника должно быть привѣтствовано всякимъ ученымъ и любителемъ древне-русскаго искусства. Кромѣ многихъ другихъ достоинствъ этой книги, о которыхъ будетъ сказано ниже, чрезвычайно пріятной характерной ея чертой является внутреннее единство содержанія, радикально отличное отъ обычнаго разнороднѣйшаго состава статей многочисленныхъ юбилейныхъ и памятныхъ сборниковъ. Соѣдство различныхъ трудовъ въ такихъ случаяхъ, конечно, обнаруживаетъ широту ученыхъ дружескихъ симпатій, приобретенныхъ чествуемымъ ученымъ, и потому такіе сборники, кромѣ дани пietetа, ничего иного, какъ таковыя, не обнаруживаютъ. Совершенно иное вскрываетъ данный сборникъ. Появленіе его знаменуетъ не только пietetъ группы лицъ, но отмѣчаетъ собою выступленіе ряда молодыхъ ученыхъ, связанныхъ единствомъ школы и вкусовъ, ничуть не обезличившимъ, однако, каждаго автора. Этимъ обнаруживается одна изъ чертъ плодотворной дѣятельности юбиляра, сумѣвшаго создать не только почтенный списокъ научныхъ трудовъ, но и живую школу учениковъ-последователей, школу, съ самаго начала ученаго пути надѣленную широтою знаній и метода.

Объясненіе опозданія выпуска сборника указано въ предисловіи, и можно только радоваться, что среди тяжелыхъ дней, переживаемыхъ отечествомъ, это цѣнное изданіе наконецъ опубликовано.

Сборникъ открывается „Спискомъ трудовъ“ юбиляра за 1888—1913 гг., и нужно лишь пожалѣть, что составители, отнесясь чисто официально къ факту чествованія, остановили свои библиографическія указанія на 1913 году. Со своей стороны позволю себѣ указать на нѣкоторые недочеты списка,

1890 г.

Послѣ указанія статей подѣ общимъ наименованіемъ „Выставка VIII Археологическаго сѣзда въ Москвѣ“ въ Вѣстн. Изящн. Иск., VIII, СПб., 1890, должно добавить примѣчаніе: ср. 1897 г. статьи, помѣщенные въ трудахъ VIII Археолог. Сѣзда, т. IV.

Пропущенъ трудъ, написанный совмѣстно съ Е. К. Рѣдинымъ „Мозаики и фрески Кіево-Софійскаго Собора“. Вѣстн. Изящн. Иск., VIII, СПб., 1890, стр. 569—585. Примѣчаніе: ср. 1900 г. „Древніе памятники искусства Кіева“, статья первая: „Софійскій соборъ“. Тр. Педагогич. Отд. Харьк. Ист.-Филолог. Общ., VI, Харьковъ, 1900.

1896 г.

Не считая себя въ правѣ утверждать принадлежность отмѣчаемой критической статьи, подписанной инициалами проф. Айналова, Д. А., уважаемому юбиляру, рѣшаюсь отмѣтить ее, въ виду наличности подписи, обычной подѣ критическими работами именно въ такомъ видѣ, а кромѣ того и стилистическаго сходства съ другими аналогичными трудами проф. Айналова.

Рец. Н. В. Покровскій, Сійскій Иконописный подлинникъ, Нам. др. писм., CVI, Изд. Общ. Люб. Др. Писм., С. II. б., 1895.

Зап. Имп. Русск. Арх. Общ., т. VIII, вып. 3—4, стр. 407—408.

1897 г.

„Образцы стариннаго русскаго шитья и кружевъ Н. Л. Шабельской“ стр. 220—223.

„Собраніе А. В. Прахова“ стр. 224—225.

Обѣ статьи напечатаны въ томѣ IV трудовъ VIII Археологическаго сѣзда въ Москвѣ 1890. Москва, 1897.

Примѣчаніе: ср. 1890 г. Статьи, помѣщенные въ Вѣстн. Изящ. Иск., статьи въ Тр. VIII А. С., являются слегка переработанной перепечаткой работъ, опубликованныхъ въ 1890 г.

1900 г.

Послѣ указанія статей подѣ общимъ наименованіемъ „Древніе памятники искусства Кіева“ въ Тр. Педагогич. Отд. Харьк. Ист.-Филолог. Общ., VI, Харьковъ, 1900, должно добавить примѣчаніе: ср. 1890 г. (мною указанную) статью, помѣщенную въ Вѣстн. Из. Иск., которая, будучи расширенной, была перепечатана въ Тр. II. О. Х. И.-Ф. Общ. подѣ заглавіемъ „Софійскій соборъ“.

1904 г.

Рец. Joseph Wilpert, Die Malereien der Katakomben Roms, Freiburg im B., 1903.

Johannes Reil. Die frühchristlichen Darstellungen der Kreuzigung Christi, Leipzig, 1904.

O. Wulff, Das Ravennatische Mosaik von S. Michele in Affricisco im Kaiser-Friedrich Museum. Въ Jahrb. d. K. Preuss. K. S., 1904, Heft IV.

P. Perdrizet et Chesnay, La Métropole de Serrès, Mon. Piot, X, Paris, 1904.

Виз. Вр., VII, вып. 3—4, стр. 689—698, 704—5, 721—2.

1906 г.

Рец. A. Muñoz, Alcune fonti letterarie per la storia dell' arte bizantina. Nuovo Bulletin di archeologia cristiana, X, 1904, p. 220—232.

Виз. Вр., XII, стр. 369.

Чрезвычайно досадной библиографической лакуной является отсутствіе указаній, гдѣ и когда появлялись рецензіи и отзывы на тотъ или иной трудъ проф. Айналлова.

Не указано также, гдѣ и когда читались тѣ труды проф. Айналлова, которые въ печати не появлялись, но извѣстны по протоколамъ и отчетамъ.

Еще одно замѣчаніе. Составители „Списка трудовъ“ не отмѣчаютъ таблицъ и рисунковъ, приложенныхъ къ тому или иному сочиненію.

Во всякомъ случаѣ, въ „Спискѣ трудовъ“, данномъ въ сборникѣ, впервые систематично въ хронологическомъ порядкѣ и съ достаточной, но, къ сожалѣнію, не исчерпывающей полнотой выявленъ ученый путь одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ ученыхъ, широко извѣстнаго въ кругахъ спеціалистовъ и внѣ отечества, внимательно прислушивающихся и считающихся съ его авторитетными указаніями.

Здѣсь подъ соотвѣтствующими годами отмѣчены широко извѣстныя крупныя сочиненія проф. Айналлова: студенческое, написанное совмѣстно съ Е. К. Рѣдинымъ, сочиненіе „Кіевскій Софіійскій соборъ“¹⁾; магистерская диссертация „Мозаики IV и V вѣковъ“²⁾; докторская диссертация „Эллинистическія основы византійскаго искусства“³⁾; „Развалины храмовъ христіанскаго Херсонеса“⁴⁾ и лекціонныя курсы⁵⁾.

Но едва ли меньшее значеніе, чѣмъ крупныя труды юбиляра, имѣетъ вся сумма мелкихъ статей и замѣтокъ по исторіи византійскаго и древне-русскаго искусства и археологіи. Эти мелкія работы, близкія

1) Зап. Имп. Р. Арх. Общ., IV, СПб., 1890, стр. 231—381.

2) Журн. Минист. Народн. Просвѣщ., ССХСVIII—ССС, 1895, стр. 241—309; 94—155; 21—71.

3) Зап. Имп. Р. Арх. Общ., Тр. Отд. арх. др.-классич., визант. и зап.-европ., т. XII, н. с., 3—4, 1901, стр. 1—224.

4) Памятники Христіанскаго Херсонеса, вып. I, изд. Имп. Московск. Арх. Общ. М., 1905.

5) Студенческія изданія 1909 г. „Исторія русской живописи отъ XVI по конецъ XIX столѣтія“, „Средневѣковое искусство“ и „Исторія древне-русскаго искусства“. 1913 г. — „Исторія русской живописи съ XVI в. по XIX в., вып. I, СПб.

подобнымъ же трудамъ Рѣдина, Смирнова, составляютъ украшеніе русской науки и должны быть положены не только по содержанію, но и въ методологическомъ отношеніи въ основу подготовки къ работѣ по византиновѣдѣнію. И едва ли можно почестъ случайностью, что этюды сборника учениковъ, примыкая по содержанію къ позднѣйшимъ работамъ проф. Айналова, касающимся по преимуществу вопросовъ исторіи древне-русскаго искусства и археологіи, методологически восходятъ къ его раннимъ византийскимъ этюдамъ, посвященнымъ публикаціи и разбору отдѣльныхъ памятниковъ. Эти прекрасныя традиціи школы, существующей уже около полувѣка¹⁾ и не коснѣющей, а идущей въ первыхъ рядахъ научнаго движенія, позволяютъ видѣть въ этомъ сборникѣ залогъ ея новаго преуспѣянія.

Сборникъ, какъ указано, состоитъ изъ трудовъ пяти молодыхъ изслѣдователей. Изъ восьми статей, вошедшихъ въ его составъ, три принадлежатъ В. Мясоѣдову, двѣ Н. Сычеву и по одной — Л. Мацулевичу, К. Шероцкому и Н. Окуневу. Имена всѣхъ названныхъ авторовъ должны быть болѣе или менѣе знакомы слѣдящимъ за жизнью научныхъ и художественныхъ періодиковъ. И должно отдать справедливость, статьи сборника, посвященнаго учителю, обрисовываютъ, съ точки зрѣнія выполнения научной работы, авторовъ ихъ въ гораздо болѣе выгодномъ свѣтѣ, чѣмъ труды иныхъ изъ нихъ, разсѣянные въ художественныхъ журналахъ. Конечно, мѣстами, какъ и во всякой работѣ, попадаются недочеты, но въ общемъ весь сборникъ является строго научнымъ матеріаломъ для исторіи древне-русскаго искусства, столь тѣсно связаннаго съ византиновѣдѣніемъ въ узкомъ значеніи этого термина.

Въ первой статьѣ В. Мясоѣдовъ описываетъ и изслѣдуетъ два кратора Новгородскаго Софійскаго собора²⁾. Оба эти памятника старинной торевтики давно уже были предметомъ просвѣщеннаго и научнаго интереса, такъ что авторомъ этюда собрана обстоятельная библиографія какъ публикацій, такъ и описаній краторовъ. Къ статьѣ приложено пять таблицъ, исполненныхъ фототипіей и содержащихъ двѣнадцать воспроизведеній со специальныхъ фотографическихъ снимковъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ дающихъ весьма цѣнные дополнительные матеріалы для изученія сосудовъ, по сравненію съ лучшей изъ бывшихъ до сихъ поръ публикацій, принадлежащей проф. Н. В. Покровскому³⁾. Новый издатель далъ не только воспроизведенія лицевыхъ рельефовъ, но

1) Интересующійся жизнью идей школы можетъ обратиться къ полемикѣ, имѣвшей мѣсто на страницахъ журнала „Русская икона“, сборн. 2, СПб., 1914, стр. 143—149: Леонидъ Мацулевичъ „Къ исторіи русской науки объ искусствѣ“.

2) Краторы Софійскаго собора въ Новгородѣ, стр. 1—14.

3) Проф. Н. В. Покровскій, Древняя Софійская ризница въ Новгородѣ. I—II. Москва, 1913, I, табл. III—V, опис. стр. 42—60.

и боковыхъ, частью закрываемыхъ ручками, гдѣ изображены въ двухъ случаяхъ ап. Петръ ¹⁾, а также свв. *настасія* и *варвара* .). Сдѣлавъ разборъ и приведя аналогіи, В. Мясоѣдовъ пришелъ къ вполне приемлемому выводу относительно назначенія сосудовъ, бывшихъ въ древности потирами для причащенія Евхаристическаго, а впоследствии, вѣроятно, служившихъ для причащенія агіасмой на Богоявленіе. Стилистическій анализъ, приведенный автора къ датѣ для обѣихъ сосудовъ — XI—XII вв. ²⁾, также вполне убѣдителенъ, и я могу указать лишь на одну частность методологическаго подхода, съ которой нельзя согласиться. Авторъ, приводя примѣры причащенія изъ сосудовъ подобной формы, какъ у Новгородскихъ кратировъ, указываетъ и публикуетъ „фреску Евхаристіи Спасо-Мирожскаго собора во Псковѣ (около 1156 г.)“ ³⁾ по фот. О. И. Парли. Однако, если обратиться къ альбому фот. Парли съ текстомъ Ушакова, опубликовавшихъ роспись Мирожскаго м-ря въ снимкахъ, отчасти исполненныхъ до, а отчасти послѣ переписи фресокъ ⁴⁾, то выяснится, что снимокъ, опубликованный В. Мясоѣдовымъ, исполненъ послѣ „поновленія“ фрески суздальскими „мастерами“ Сафонова, причемъ вся лѣвая (отъ зрителя) часть опубликованнаго въ сборникѣ снимка (рис. 5 на стр. 7 = низу снимка на VI табл. альбома Парли-Ушакова) — плодъ повѣйшаго „творчества“, а правая переписана заново ⁵⁾. Сколь близко держались „реставраторы“ стараго оригинала, позволяеть судить снимокъ правой части композиціи, сдѣланной до переписи ⁶⁾, но весьма нечеткій. Ссылка на рис. 5, изданный В. Мясоѣдовымъ, какъ на памятникъ XII в., абсолютно неприемлема со стороны стилистической, а со стороны иконографической она, кромѣ нечеткаго снимка Парли, быть можетъ и будетъ вполне наглядно подтверждена при полной публикаціи калекъ Суслова-Фомина-Блазнава ⁷⁾, часть которыхъ издана гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ ⁸⁾, подтверждена, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если прориси были сняты и съ этой фрески.

1) Табл. III.

2) Табл. IV.

3) Стр. 11.

4) Стр. 7.

5) „Фрески Храма Преображенія Господня въ Псковскомъ Спасо-Мирожскомъ м-рѣ, основанномъ въ 1156 году“. Альбомъ снимковъ О. И. Парли; описаніе Ф. А. Ушакова (отд. отт. изъ Тр. Псковскаго Арх. Общ., вып. 2, за 1903—1904 г. Псковъ, 1905. Приложение). Псковъ 1903. Въ текстѣ отмѣчены снимки произведенные до поновленія.

6) Ср. табл. 9 и 10 альбома Парли-Ушакова, исполненные до „поновленія“.

7) Альбомъ Парли-Ушакова, табл. 10; хорошо видно только устье кратира.

8) См. объ ихъ исполненіи Извѣстія Имп. Арх. Коммиссіи, вып. 26 (вопросы реставраціи, вып. 1), СПб. 1908: А. С., Изъ Архива Имп. Арх. Комм., стр. 82.

9) Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. VI, СПб., 1899, рис. 218—231.

Въ текстѣ, кромѣ указаннаго воспроизведенія, даны два снимка съ потировъ изъ ризницы св. Марка въ Венеціи, изданныхъ по труду Pasini¹⁾ (рис. 1 и 6), и три снимка съ миниатюръ грузино-греческой р-си Имп. Публичн. Библ., изображающихъ „Великіи Выходъ“²⁾.

По моему мнѣнію, самой цѣнной и значительной статьёй изъ всего сборника является другая работа В. Мясоѣдова „Фрагменты фресковой росписи Святой Софіи Новгородской“ (стр. 15—34). Къ статьѣ приложены три таблицы (VI—VIII), изъ которыхъ одна въ краскахъ (VIII), воспроизводящихъ единственный не записанный и не уничтоженный фрагментъ росписи притворовъ съ изображеніемъ свв. Константина и Елены. Черныя воспроизведенія даютъ общій видъ фрагмента и голову царицы Елены въ большомъ масштабѣ и, будучи исполнены четкими фототипіями, впервые вполне научно публикуютъ столь перво-степенный памятникъ. Въ текстѣ (стр. 27—30) дано восемь малочеткихъ воспроизведеній (циркографіей) съ восьми поновленныхъ въ концѣ прошлаго вѣка пророковъ, находящихся въ барабанѣ главнаго купола. (Изображены: Давидъ, Соломонъ, Исаія, Іеремія, Іезекіиль, Даніиль, Аввакумъ и Малахія). Значеніе этой статьи заключается не только въ публикаціи указанныхъ воспроизведеній, снабженныхъ сопроводительнымъ описаніемъ стилистическихъ и техническихъ особенностей фрески, но и установленіемъ по лѣтописямъ точной даты росписи храма и притворовъ. Здѣсь впервые печатно выяснено, что сказаніе подъ 1045 г. (6553), до сихъ поръ принимавшееся обычно за дату росписи, является позднѣйшей интерполяціей. Такимъ образомъ вставка эта не можетъ быть почитаема датирующей памятникъ. Другія же указанія лѣтописи, занесенныя подъ болѣе поздними годами, не противорѣча стилистическому и иконографическому анализу, позволяютъ автору вполне опредѣленно датировать роспись купола — 1108 г.³⁾, а изображеніе Константина и Елены — 1144 г.⁴⁾; далѣе, авторъ указываетъ на свѣдѣнія о погибшихъ де-

1) A. Pasini, Il tesoro di San Marco, Venezia, 1886; рис. 1 = tav. XXXIX, 76; рис. 6 = tav. XXXV, 62.

2) По регистр. инвент. 1913 г. № 419, лл. 32 об., 33 и 33 об. = рис. 2—4 на стр. 6.

3) Любопытно отмѣтить, что эта новая датировка является несомнѣннымъ подтвержденіемъ предположенія проф. Шмита о хронологическомъ значеніи вѣличности пророческаго цикла (см. рец. на англійскую публикацію Вилеемской базилики W. Harvey'я и др. въ Журн. М. Народн. Просвѣщ., Н. С., XLVI, 1913, № 8, стр. 313—342), т. к., благодаря новой датировкѣ купольныхъ фресокъ св. Софіи Новгородской, — переходить въ XII в. единственный считавшійся датированнымъ памятникъ пророческаго цикла изъ извѣстныхъ памятниковъ XI—XII вв., ранѣе числившійся въ XI в. Публикація В. Мясоѣдова исправляетъ также погрѣшность, вкравшуюся въ названный трудъ проф. Шмита, ошибочно отмѣчавшаго въ барабанѣ св. Софіи Новгородской 12 оконъ по числу апостольскому (стр. 324).

4) Стр. 33.

таляхъ этой послѣдней фрески, изъ которыхъ особенно важной является надпись, принадлежавшая изображенію царицы Елены, исполненная русскимъ начертаніемъ алена¹⁾). Этотъ послѣдній фактъ, позволяющій установить національность фрескиста, долженъ имѣть важное значеніе при разборѣ фресокъ Мирожскаго м-ря во Псковѣ, исполненныхъ въ совершенно иномъ пошибѣ при томъ же новгородскомъ владыкѣ Нифонтѣ и имѣющихъ греческія надписи. Стилистически же авторъ сближаетъ новгородскую фреску съ мозаиками Мартораны въ Сицилии, не объясняя однако возможности взаимоотношенія памятниковъ: имѣли ли непосредственное общеніе мастера Сицилии и Новгорода, или же оба памятника восходятъ къ третьимъ, неизвѣстнымъ прототипамъ? Въ послѣднемъ случаѣ, гдѣ искать прародину сицилійскихъ мозаикъ и новгородской фрески? Можно ли считать прародиной Константинополь, или же слѣдуетъ предполагать провинціальныя центры?

При разборѣ и описаніи дана довольно подробная библиографія для иконографіи Константина и Елены. Подобной же работы для пророческихъ фресокъ не сдѣлано: между тѣмъ, какъ разъ для этой части росписи такой анализъ былъ бы настоятельно необходимъ. Какъ я отмѣтилъ, новая датировка фресокъ купола, въ связи съ теоріей проф. Шмита, заставляетъ пересмотрѣть иконографію пророческаго цикла. Какія комбинаціи изображеній пророковъ, гдѣ извѣстны? Каково отношеніе этихъ группъ къ системѣ купола? На какіе географическіе районы распадаются эти группы? Наблюдаются ли измѣненія въ подборѣ изображеній тѣхъ или иныхъ пророковъ въ зависимости отъ даты памятника? Зависитъ ли пророческая схема росписи отъ схемы апостольской, какъ полагаетъ проф. Шмитъ? Гдѣ прародина пророческаго цикла, и каково время его возникновенія? Всѣ эти вопросы чрезвычайно умѣстно могли бы быть рѣшены, исходя отъ даннаго конкретнаго случая. Однако, они не только не рѣшены, но и не поставлены.

Третья работа того же автора посвящена публикаціи сохранившихся матеріаловъ, относящихся къ несуществующимъ нынѣ двумъ храмамъ Новгорода — Яковлевскаго собора и церкви св. Лазаря²⁾). Изображенія обоихъ памятниковъ этихъ, исчезнувшихъ въ серединѣ прошлаго столѣтія, даны по акварелямъ Н. А. Мартынова³⁾, а храмъ св. Лазаря еще и по рисунку, изданному Д. Струковымъ въ „Школѣ Рисованія“⁴⁾). Изданъ также и планъ церкви св. Лазаря по чертежу Н. А. Мартынова⁵⁾). — Изъ двухъ лѣтописныхъ указаній о каменныхъ

1) Стр. 16. Ссылка на трудъ И. А. Шляпкина, Русская палеографія. СПб., 1913, стр. 37.

2) Два погибшихъ памятника Новгородской старины, стр. 105—112.

3) См. фототипическія таблицы: XX (Новгородскій Яковлевскій соборъ) и XXI (Церковь св. Лазаря въ Новгородѣ).

4) Часть II, 1859, № 2, табл. безъ нумера = рис. 36 на стр. 111.

5) См. рис. 32 на стр. 108.

храмахъ св. Иакова подѣ 1172 и 1226 г.г. авторъ принимаетъ второе, отмѣчая черты, отличавшія это зданіе, сближавшія его, какъ съ памятниками XII ст., такъ и съ храмами XIII—XIV вв., и указывающія ему связующее мѣсто между Нередѣицкой церковью (1198 г.) и Никололипенской (1292) ¹⁾. Лазаревская церковь, возникшая не ранѣе 1384 г. ²⁾, примыкала по формамъ къ церквамъ Двѣнадцати Апостоловъ, св. Параскевы, Волотовской и представляла, несмотря на оригинальность деталей (сложность арочной системы на одномъ изъ фасадовъ, имѣвшемъ единственную въ своемъ родѣ въ Новгородѣ пятилопастную арку), типичный новгородскій храмъ XIV—XV в.в.

Первая статья Н. Сычева посвящена „Иконѣ св. Троицы въ Троице-Сергіевой лаврѣ“ (стр. 58—76), слывущей за единственно достоверную дошедшую работу Андрея Рублева. Къ статьѣ приложено 4 фототипическихъ таблицы, изъ которыхъ три (XV—XVII) воспроизводятъ икону: а) послѣ послѣдней реставраціи, б) передъ нею и в) деталь (средній ангелъ), а на четвертой помѣщена Мадонна Симоне Мартини, поступившая въ Императорскій Эрмитажъ изъ собранія графа Г. С. Строганова (табл. XVIII) ³⁾. Указавъ на то, что приписываніе этой иконы кисти Рублева принадлежитъ сравнительно позднимъ преданіямъ, авторъ отмѣчаетъ, что старинныя описи не знаютъ такой легенды ⁴⁾. Далѣе, изложивъ судьбу памятника и давъ обстоятельное описаніе съ иконографическимъ экскурсомъ, Н. Сычевъ отмѣчаетъ рядъ чертъ, сближающихъ икону съ памятниками ранне-итальянскаго Возрожденія. По мнѣнію изслѣдователя, икона эта не можетъ быть ни отнесена къ памятникамъ чисто-византійскаго круга, ни причислена къ яркимъ выразителямъ греко-итальянской (итало-критской) школы, но принадлежитъ переходной эпохѣ, объединяя византійскія традиціи съ отраженіями школы Джотто и отзвуками готическаго стиля, перешедшаго въ иконопись черезъ Италію ⁵⁾.

Во второй статьѣ Н. Сычевъ изслѣдуетъ одинъ изъ многочисленныхъ Нерукотворенныхъ Образовъ, принадлежащихъ кисти Симона Ушакова ⁶⁾, и, давъ иконографическій и стилистическій анализъ, при-

1) Стр. 106—107.

2) Стр. 109.

3) Нужно думать, что въ текстъ (стр. 76) вкралась досадная опечатка — работа Мартини помѣчена числящейся въ Эрмитажѣ подѣ № 6914, тогда какъ въ каталогѣ она дважды и въ текстѣ и въ таблицѣ зарегистрирована подѣ № 1964 (см. Императорскій Эрмитажъ, Каталогъ картинной галлерей, часть I: Итальянская и испанская живопись. СПб., 1912, текстъ стр. 129, воспр. на стр. 151 выпуска иллюстрацій).

4) Стр. 60.

5) Стр. 76.

6) „Икона Симона Ушакова въ Новгородскомъ Епархіальномъ Древлехранилищѣ“. Стр. 91—104, съ приложеніемъ фототипической таблицы (XIX), воспроизводящей памятникъ.

ходить къ выводу, что данная икона совмѣщаетъ черты двухъ образовъ Нерукотворныхъ: восточнаго спокойнаго — Авгара Эдесскаго и западнаго страждущаго — плата Вероники. Технически и стилистически икона Ушакова, храня отзвуки старой московской школы, отмѣчена чертами „фрязи“, появленіе которой авторъ ставитъ въ связь не съ нѣмецкимъ, но съ нидерландскимъ вліяніемъ на русское искусство XVII вѣка. (Въ текстѣ дано три воспроизведенія: одно работы ванъ-Эйка, другое Рожера ванъ деръ Вейдена и третье Ланселота Блонделя). Подписной и датированный памятникъ этотъ (писанъ въ 1674 г.)¹⁾ авторъ считаетъ возможнымъ отождествить съ образомъ, извѣстнымъ изъ письменныхъ данныхъ, — въ 1674 г. Ушаковъ писалъ Нерукотворный Образъ и поднесъ его царю на Пасху²⁾. Высота исполненія и богатство сканнаго оклада при совпаденіи датъ дѣлаютъ такое предположеніе весьма вѣроятнымъ. Слѣдуетъ отмѣтить обстоятельную библиографію, относящуюся къ дѣятельности Симона Ушакова, собранную авторомъ тщательно и любовно по новѣйшимъ даннымъ.

Статья Л. Мацулевича „Фрагменты стѣнописи въ соборѣ Снѣтогорскаго монастыря“ близъ Пскова (стр. 35—57), касаясь малоизвѣстнаго памятника, является по существу призывомъ къ археологической работѣ надъ Снѣтогорской стѣнописью. Давъ рядъ снимковъ³⁾, авторъ разбираетъ видимые фрагменты со стороны иконографической и стилистической, вводя эти фрагменты въ кругъ сѣверно-русскихъ стѣнописей, причемъ даетъ особый экскурсъ о Городищевской росписи⁴⁾, датируемой авторомъ XIV в.⁵⁾ Снѣтогорскіе же фрагменты онъ относитъ ко времени построения собора (объ архитектурѣ котораго также данъ экскурсъ⁶⁾, „т. е. ко времени около 1311 года“⁷⁾. По открытымъ частямъ росписи авторъ предполагаетъ, что послѣ расчистки фресокъ „въ Снѣтогорской стѣнописи мы встрѣтимъ памятникъ исключительно интереснаго момента, когда въ старомъ искусствѣ намѣчались пути дальнѣйшаго развитія“⁸⁾. Дѣйствительно, судя по изданнымъ частямъ росписи, снѣтогорскія фрески являются нѣсколько архаическимъ, но уже проникнутымъ новымъ духомъ памятникомъ, явно провинціаль-

1) Стр. 93—94.

2) Стр. 104.

3) Табл. X—XIII и рис. 18 на стр. 18. Всѣ воспроизведенія даны цинкографіей.

4) Стр. 52—55. Рис. 19 на стр. 53 + табл. XIV (цинк.), на которой даны два изображенія головъ въ довольно крупномъ масштабѣ.

5) Стр. 54—55.

6) Стр. 39—43, и табл. IX. Храмъ — крестоваго типа и имѣетъ лишь аналогію въ соборѣ Мирожскаго м-ря, также находящагося близъ Пскова, середины XII в.

7) Стр. 55.

8) Стр. 57.

нымъ по сравненію съ мозаиками Кахріэ-Джами въ Константинополѣ, время созданія которыхъ почти совпадаетъ съ предполагаемымъ годомъ снѣтогорской росписи¹⁾. Къ явнымъ достоинствамъ работы слѣдуетъ отнести обстоятельное стилистическое описаніе и обширный, богатый библиографіей иконографической очеркъ, посвященный пр. Захаріи Серповидцу²⁾.

Этюдъ К. Шероцкаго о „Софійскомъ соборѣ въ Полоцкѣ“ (стр. 77—90), снабженный рядомъ иллюстрацій въ текстѣ³⁾ и планомъ древнѣйшихъ частей зданія⁴⁾, составленъ на основаніи данныхъ, добытыхъ при послѣднемъ капитальномъ ремонтѣ зданія⁵⁾.

Авторъ на основаніи стилистическаго анализа, замѣчаній въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ и данныхъ житія св. Евфросиніи отвергаетъ датировку, указываемую лѣтописями и хрониками⁶⁾. Равно онъ не соглашается и съ мнѣніями, датирующими этотъ памятникъ эпохой Владимира Святого⁷⁾. Въ настоящее время соборъ, сильно измѣненный поздне-польскими передѣлками, сохранилъ, однако, всѣ свои фундаменты, и, на основаніи кладки и сохранившихся фрагментовъ фресковыхъ орнаментовъ, изслѣдователь относитъ построеніе зданія къ эпохѣ наивысшаго процвѣтанія Полоцкаго княжества, а именно, ко второй половинѣ XI в., ко времени княженія Всеслава⁸⁾. Отличительной чертой плана св. Софійи Полоцкой являются части западнаго фасада, подобныя апсидамъ восточнаго. Сближеніе этой детали св. Софійи съ памятниками Запада едва ли можетъ быть принято безусловно. Лишь исчерпывающее и планомѣрное изслѣдованіе азиатскихъ областей Византіи позволитъ рѣшить этотъ вопросъ окончательно и безспорно, тѣмъ болѣе что кладка св. Софійи Полоцкой изъ перемежающихся рядовъ кирпича и камня (см. рис. 83) является типичнымъ мало-азіатскимъ техническимъ приѣмомъ.

Послѣдняя статья сборника принадлежитъ Н. Окуневу, изслѣ-

1) Ср. замѣтку Ѡ. И. Шмита въ *Вуз. Ztschr.*, XIX, 1910, р. 241—242.

2) Стр. 36.

3) а) рис. 20 на стр. 77 — „Софійскій соборъ съ сѣвера“; б) рис. 21 на стр. 78 — „Софійскій соборъ на планѣ Полоцка 1579“; в) рис. 23 на стр. 81 — „Восточный фасадъ Софійскаго собора“; г) рис. 24 на той же стр. — „Западныя апсиды Софійскаго собора“; д) рис. 25 на стр. 82 — „Западныя апсиды Софійскаго собора съ сѣвера“; е) рис. 26 на стр. 83 — „Кладка Софійскаго собора въ южной части западнаго фасада“; ж) рис. 27 на стр. 89 — „Пилонъ въ юго-восточномъ углу Софійскаго собора“ съ сохранившимся фресковымъ орнаментомъ.

4) Рис. 22 на стр. 80.

5) Стр. 79—80.

6) Стр. 78.

7) Стр. 89.

8) Стр. 88—89.

довавшему „Крещальню Софійскаго собора въ Кіевѣ“ (стр. 113—137)¹⁾. Однако, авторъ не ограничился узкой темой, выраженной заглавіемъ, и далъ экскурсы, относящіеся къ архитектурѣ всего собора. На основаніи наличности разности кладки стѣнъ въ различныхъ частяхъ крещальни авторъ вполне основательно доказываетъ позднѣйшее, по отношенію къ главной части собора, возникновеніе этой пристройки. „Всего въ крещальнѣ различаются три вида древнѣйшихъ кладокъ: одинъ въ восточной стѣнѣ [принадлежащей основному ядру собора], другой въ южной, западной и сѣверной, а третій видъ представляетъ кладка заложенаго пролета арки въ восточной стѣнѣ и устроенной въ ней апсидки“²⁾. Далѣе, авторъ, изложивъ исторію крещальни въ болѣе близкое къ намъ время, переходитъ къ стѣнописи, утверждая, что „на стѣнахъ Крещальни Софійскаго собора сохранились фрагменты древней росписи двухъ стилей и разнаго времени“³⁾. Древнѣйшая относятся къ остаткамъ росписи притворовъ, вторая же къ росписи крещальни, исполненной при ея основаніи. „Изъ древнѣйшей росписи до нашего времени дошли только слѣдующія ея части: на восточной стѣнѣ орнаментъ въ видѣ круговъ и лозы по сторонамъ заложенаго пролета арки и ниже двѣ фигуры святителей по сторонамъ пролета; на южной одна громадная во всю стѣну композиція, изображающая сорокъ мучениковъ въ Севастійскомъ озерѣ. Рисунокъ XVII в. (рис. 38) . . . дополняетъ эту роспись однимъ погруднымъ изображеніемъ [нынѣ погибшимъ] благословляющаго святого внутри фальшивой арочки“⁴⁾ на восточной стѣнѣ. „Роспись второго стиля состоитъ изъ слѣдующихъ частей: въ тимпанѣ заложенаго пролета изображенъ погрудно святой . . . въ конхѣ апсидки помѣщена композиція Крещенія, ниже ея, по сторонамъ окна, по два святителя, на аркѣ апсиды снаружи орнаментъ, а на столбахъ по сторонамъ ея по единоличному изображенію святыхъ“⁵⁾. Нельзя не согласиться съ авторомъ, выдѣлившимъ роспись заложенаго

1) Къ статьѣ приложено 8 таблицъ, изъ которыхъ 4 исполнены цинкографіей (табл. XXII—XXV), а остальные фототипіей (табл. XXVI—XXIX). Снимки воспроизводятъ общіе виды внутренности крещальни и детали росписи. Къ сожалѣнію, не всюду (цинк.) таблицы отличаются желательной четкостью (въ особенности табл. XXIII и XXIV). Также можно весьма пожалѣть, что нѣтъ ни одной таблицы въ краскахъ. По существу издана достаточно полно лишь конховая композиція Крещенія, причѣмъ табл. XXIX настолько крупна и четка, что вполне позволяетъ судить о стилѣ и техникѣ фрески. Въ текстѣ данъ планъ крещальни (рис. 37 на стр. 117), старинный рисунокъ XVII в., изображающій роспись (рис. 38 на стр. 121), деталь восточной стѣны крещальни (рис. 39 на стр. 123) и два снимка деталей западнаго фасада св. Софіи (рис. 40 на стр. 124 и рис. 41 на стр. 134).

2) Стр. 119.

3) Стр. 125.

4) Стр. 126.

5) Стр. 126.

пролета восточной арки крещальни, но едва ли онъ правъ, объединяя въ общую группу монументальныя фигуры восточныхъ столбовъ и композицію Сорока мучениковъ. Лѣтомъ текущаго 1915 года я, изучая памятники Кіева, имѣлъ случай ознакомиться, какъ съ фресками крещальни, такъ равно и съ другими фрагментами фресковой росписи св. Софіи и, на основаніи личныхъ наблюденій, позволю себѣ высказать слѣдующія замѣчанія. Несомнѣнно, монументальныя фигуры на восточныхъ столбахъ находятся въ тѣснѣйшей связи съ остатками фресокъ сѣверной и южной древнихъ открытыхъ галерей, изъ которыхъ лучше сохранились два погрудныхъ изображенія въ дугѣ арки въ сѣверной части¹⁾. Разность кладки восточныхъ столбовъ, на которыхъ написаны монументальныя фигуры святыхъ, и южной стѣны съ композиціей Сорока мучениковъ вполне правильно отмѣчены Н. Окуневымъ. Если же принять его предположеніе объ одновременности исполненія фигуръ святыхъ и композиціи Сорока мучениковъ, то слѣдуетъ предположить, что до пристройки къ аркѣ западной галереи сѣверной, западной и южной стѣнъ крещальни всѣ галереи собора не были росписаны и что уже послѣ росписи была заложена арка галереи и возведена вмѣсто нея восточная стѣна крещальни съ апсидкой. И если послѣдній фактъ несомнѣненъ въ виду захожденія фресокъ восточныхъ столбовъ въ швы закладки²⁾, то объединеніе росписи галерей и композиціи 40 мучениковъ едва ли приѣмлемо, не только на основаніи высказанныхъ соображеній, но и въ виду стилистической разности. Святаѣ Софіѣ неоднократно разграблялась, горѣла и чинилась вплоть до Батыева погрома середины XIII вѣка, послѣ котораго находилась долгое время въ запустѣніи и послѣ котораго едва ли возможны были какія либо измѣненія вплоть до XVII в.; пристройка помѣщенія крещальни и была произведена вѣроятно во время одного изъ поновленій храма и тогда же покрыта стѣнописью. Возведеніе же стѣны съ апсидкой было очевидно нарочитымъ предпріятіемъ. Специальныя крещальни въ столь позднее время явленіе незаурядное, и подобное сооруженіе едва ли могло быть мѣстнымъ предпріятіемъ. Вѣроятно, здѣсь мы должны считаться съ вліяніемъ греческаго духовенства, бывшаго въ Кіевѣ большею частью во главѣ церковнаго управленія. Тогда греческія надписи пріобрѣтають особое значеніе³⁾. Конечно, фактъ находенія надписей едва ли можетъ быть признанъ исходной точкой при опредѣленіи про-

1) Извѣстныя изображенія Наталіи и Адріана (см. П. Муратовъ въ Ист. русск. иск. Игоря Грабаря, т. VI, стр. 116, и святителя у Муратова рис. на стр. 117) изъ южной галереи.

2) Стр. 125.

3) Въ композиціи Крещенія **И** **В** **Л** **Т** . с . . **Т** **О** **У** — **К** **Р** (стр. 129) и у святителя надъ апсидкой: „[надпись] исполнена . . . вертикально, по двѣ буквы въ строку. Вверху различимы фрагменты **В** и **Л**, а ниже легко читается **С** **И** **Л** **Н** **О** **С**“. = Василій Великій (стр. 131).

исхожденія художника, но, въ связи и съ технической тонкостью и артистичностью исполненія, подобная возможность — принадлежность фресокъ византійскому, а не мѣстному мастеру — не только не исключается, но имѣетъ большую долю вѣроятія. Предположительное отождествленіе святыхъ по сторонамъ апсидки съ Борисомъ и Глѣбомъ¹⁾ нисколько не противорѣчитъ такому предположенію. Оба св. князя были наполовину греками по происхожденію и память ихъ почиталась въ Константинополѣ²⁾. До сихъ поръ не извѣстно ни одной греческой фресковой росписи, датированной XII в. и сохранившейся на Востокѣ. Лишь роспись Мирожскаго м-ря близъ Пскова середины XII в. (около 1156 г.) съ греческими надписями³⁾ можетъ быть не русскаго, но византійскаго, въ широкомъ смыслѣ термина, происхожденія, а потому мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ утверждать принадлежность живописи заложеннаго пролета крещальни именно греческимъ мастерамъ, хотя этотъ фактъ имѣетъ за собою едва ли не больше данныхъ для принятія, чѣмъ причисленіе фресокъ къ памятникамъ русскаго происхожденія. Однако, сближеніе этихъ фресокъ крещальни съ однимъ изъ пошибовъ Нередыцкой церкви близъ Новгорода, сдѣланное Н. Окуневымъ, весьма знаменательно⁴⁾. Роспись этой церкви, явно провинціального характера, сохранила фрески, отразившія, какъ новыя теченія, такъ и черты архаическія. Живость и экспрессивность движенія и психологическая характеристика ликовъ заставляють видѣть во фрескѣ крещенія памятникъ, примыкающій къ передовому теченію, а близость къ датированнымъ Нередыцкимъ фрескамъ (1199 г.) даетъ возможность датировать эту часть росписи крещальни не столько XII в., сколько второй его половиной или даже началомъ XIII в. Иконографическія данныя, въ виду краткой редакціи композиціи Крещенія, не даютъ никакихъ хронологическихъ данныхъ.

Переходя далѣе къ вопросу о видѣ св. Софіи при Ярославѣ и разбирая архитектурныя черты памятника, авторъ даетъ весьма интересный перечень аналогій открытыхъ галерей, окружающихъ храмъ, какъ то было въ св. Софіи. Замѣчательно, что памятники эти, кромѣ поздняго, находящагося въ Константинополѣ⁵⁾, всѣ Мало-Азійскаго и

1) Стр. 131.

2) П. Н е р а д о в с к і й, Борисъ и Глѣбъ, изъ собранія Н. П. Лихачева. „Русская икона“, сборникъ I, 1914, стр. 66.

3) Показанія очевидца до поновленія — Н. П о к р о в с к і й, Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства, СПб., 1894, стр. 276, и указаніе въ описаніи (стр. 6) У ш а к о в а къ фот. табл. 23, исполненной Парли до реставраціи.

4) Стр. 131.

5) Мнѣ не понятно, почему г. Окуневъ, повсюду щеголяющій полнотою библиографіи, говоря о Кахріа-Джами, воздерживается отъ ссылки на изслѣдованія Ө. И. Ш м и т а, Кахріа-Джами, Изв. Русск. Арх. Института въ К-поль, XI,

Кавказско-Армянскаго происхожденія¹⁾. Но едва ли безусловно правъ авторъ, столь категорически высказываясь за западно-европейское происхождение башенъ св. Софіи, игнорируя памятники Малой Азіи (Стржиговскій) и Сиріи (де Вогюэ) и не затрагивая даже вопроса — одновременны ли храмъ и башни (обѣ?) западнаго фасада. Вообще же слѣдуетъ отмѣтить, что этотъ послѣдній экскурсъ приходится почестъ наиболѣе недоказанной и спорной частью труда. Св. Софія Кіевская, какъ архитектурный памятникъ, несомнѣнно — болѣе сложный и заслуживающій большаго вниманія историческій документъ, чѣмъ это кажется г. Окуневу, рѣшающемуся послѣ экскурса, занимающаго около двухъ страницъ²⁾, наполненныхъ по преимуществу общими разсужденіями, считать св. Софію комбинаціей архитектурныхъ формъ Византіи, Востока и Запада, созданной неизвѣстными намъ строителями собора³⁾.

Димитрій Гордѣевъ.

† Академикъ В. И. Ламанскій.

Хотя скончавшійся 19 окт. 1914 г. ак. В. И. Ламанскій принадлежалъ и по призванію и по специальности къ числу славистовъ, но и въ своихъ научныхъ трудахъ и въ своихъ университетскихъ лекціяхъ онъ не уставалъ указывать на глубокую важность византиновѣдѣнія для успѣшнаго развитія русской культуры и на невозможность процвѣтанія славяновѣдѣнія безъ самаго тѣснаго содружества съ этой наукой.

Онъ родился въ 1833 г. въ семьѣ сенатора И. И. Ламанскаго. По окончаніи петроградской первой гимназіи, В. И. поступилъ въ петроградскій университетъ, который кончилъ уже въ 1854 г. Этотъ же годъ является началомъ его научно-литературной дѣятельности, которая, при всей широтѣ размаха, отличалась единствомъ своего ярко-славянофильскаго направленія. Однако послѣднее не было навѣяно какими-либо случайными переживаніями, — оно представляло продуктъ, съ одной стороны, его самостоятельныхъ научныхъ разысканій въ области исторіи славянства, а, съ другой стороны, постояннаго общенія какъ съ друзьями своей молодости И. С. Аксаковымъ, Ю. О.

1911, стр. 222. Насколько мнѣ извѣстно, указаніе на открытый наружный нарѣикъ Кахріа-Джами было впервые дано именно О. И. Шмитомъ. Впрочемъ, когда рѣчь заходитъ объ этомъ памятникѣ, всѣ авторы Айналовскаго сборника отъ ссылокъ воздерживаются: они, напримѣръ, всѣ относятъ мозаичскую роспись нарѣиковъ къ началу XIV вѣка, всѣ отъ датировки Н. П. Кондакова отказываются, но нигдѣ не указываютъ, что опредѣленіе времени росписи принадлежитъ О. И. Шмиту.

1) стр. 136—137.

2) стр. 135—137.

3) стр. 137.